

УДК 94(571.54):61

Медицинское вспомоществование в сибирском уездном городе в начале XX века (по воспоминаниям верхнеудинского врача)

Т.В. Паликова

Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова,
ул. Смолина, 24а, Улан-Удэ, Республика Бурятия
Tatianap25@yandex.ru

Статья поступила 19.12.2019, принята 20.12.2019

В статье рассматривается проблема развития медицинской помощи в сибирском уездном городе на примере Верхнеудинска. Исследовательскую базу составили воспоминания городского врача, принимавшего непосредственное участие в модернизации муниципальной больницы, а также профильные фонды госархива Республики Бурятия. Затронуты вопросы материального обустройства больницы и ее структуры, управления и финансирования, лечения и персонала в развитии, для чего сделан небольшой экскурс в 50-е гг. XIX в. Сделан вывод о поступательном расширении поля медицинских учреждений и услуг.

Ключевые слова: медицинская помощь; городская больница; сибирский уездный город; Верхнеудинск; начало XX в.; воспоминания.

Medical aid in the Siberian district city in the early XX century (according to the Verkhneudinsk doctor's recollections)

T.V. Palikova

Buryat State University named after D. Banzarov; 24a, Smolin St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia
Tatianap25@yandex.ru

Received 19.12.2019, accepted 20.12.2019

The article discusses the problem of the development of medical care in a Siberian district city using the example of Verkhneudinsk. The research base was made up of the memoirs of a city doctor who was directly involved in the modernization of the municipal hospital, as well as specialized funds of the state archive of the Republic of Buryatia. The issues of the material arrangement of the hospital and its structure, management and financing, treatment and personnel in development were touched upon, for which a short excursion was made in the 1950s of the XIX century. The conclusion is made about the progressive expansion of the field of medical institutions and services.

Keywords: medical care; municipal hospital; Siberian district city; Verkhneudinsk; early XX century; memories.

История города — это история его жителей, и потому, что их жизнь протекает в пространстве, очерченном городом, на фоне разворачивающихся в нем событий, и потому, что каждый своей деятельностью, в зависимости от масштаба личности, оставляет большой или малый мазок на палитре городской истории.

Одним из соучастников истории Верхнеудинска (ныне Улан-Удэ) на протяжении почти столетия был Михаил Владимирович Танский (1869–1862), человек во многом уникальный для города. Наследие семьи М.В. и Е.А. Танских поистине уникально и позволяет раскрыть многие стороны как частной жизни, так и общественной повседневности города, причем городское пространство не ограничивается лишь городами Забайка-

лья или Восточной Сибири, оно охватывает территорию Российской империи и расширяется до континентальной и островной Европы. Мы не единожды обращались к творчеству Танского, рассматривая его в разных аспектах, от литературного анализа текста до выявления образа того или иного города. В год 150-летия со дня его рождения попытаемся реконструировать историю развития медицинской помощи в сибирском уездном городе на примере Верхнеудинска рубежа веков с привлечением других источников, прежде всего документов, сосредоточенных в специализированном фонде 338 «Верхнеудинская приходская гражданская больница» и фонде городского самоуправления 128 «Верхнеудинская городская Ратуша», 10 «Верхнеудинская город-

ская управа» Государственного архива Республики Бурятия.

Время и семья, безусловно, определили личность нашего героя. Он родился в период разветвления в стране капиталистического реформирования, требовавшего людей сильных, разносторонних, смелых, в семье, как он сам говорил, передового для своего времени человека — шестидесятника. И воспитание получил соответствующее: «Особых воспитательных систем родители к нам не применяли (в семье было еще 3 девочки. — Т.П.). Шалили мы, не переходя границ дозволенного. Прописной моралью, надоедливими наставлениями нас не пичкали. Шарканье ножкой, реверансы, декламация стихов и вообще выявление своих талантов перед гостями в нашей жизни не имело места. Я не помню случая, чтобы отец или мать позволили обзвать кого-либо бранным словом ... и тем более не позволяли физического воздействия. Высшим, да, пожалуй, и единственным наказанием для нас считалось — сидеть минут 15-20 на стуле около отца во время занятий в его кабинете» [19, л. 26 об.]. Демократический дух поддерживался взглядами и интересами отца — Владимира Михайловича, начальника Верхнеудинского акцизного округа (с 1870 г.), окончившего Нежинский юридический лицей князя Безбородко: «Выписывал журналы, газеты, интересовался литературой, следил за политикой, не был службистом-формалистом. В небольшой его библиотеке между классиками имелись и такие: Бокль, Добролюбов, Чернышевский, Дарвин, Некрасовский “Современник” и пр.» [19, л. 26 об.].

Самостоятельная жизнь детей состоятельных родителей в не гимназических городах началась рано. М.В. Танский не стал исключением. В Забайкалье вплоть до конца 1880-х гг. не было мужских средних учебных заведений. Поэтому в 10-летнем возрасте он «оставил родной дом для ученья по чужим городам ... и с той поры появлялся дома только на коротенькие каникулы» [19, л. 28]. Не будем подробно останавливаться на гимназических годах нашего героя. Упомянем лишь замечание, сделанное им через много лет, чтобы понять школьную атмосферу того времени. После уважительного домашнего общения М.В. Танский попал в «спертую» атмосферу Иркутской гимназии, где проучился 5 лет. Гимназия «по обстановке и обычаям, по нравам и поведению учащихся в достаточной степени отдавала еще крепкими запахами бурсы Помяловского». Несмотря на то, что «в читинской гимназии в конце 80-х годов воздух был уже посвежее» (окончил в 1891 г.), «толстовский классицизм ... создавал в школах удручающую атмосферу» и «пытался рядить юношу в костюмчики мальчика, и хотя это далеко не всегда удавалось, — костюмчики то и дело ло-

пались по всем швам, — тем не менее, свобода юноши в значительной степени стеснялась, и полноправным членом общества ему быть не полагалось» [19, л. 29].

Дальнейшее становление личности Танского надолго связано с Казанью и университетом (1891–1903), где «естественные науки, после мертвящего классицизма, широко открывали глаза на мир, на природу и занимали». Вечерами молодой человек «помимо научных книг читал и беллетристику, пользовался городской библиотекой», что продолжало формировать художественный вкус, расширяло кругозор и классические знания. Подтверждением глубокой образованности могут служить многочисленные цитаты и имена, встречающиеся на страницах его записных книжек, писем и воспоминаний. Попытка пойти по стопам отца после окончания физико-математического факультета по отделению естественных наук с дипломом 1-й степени не увенчалась успехом (акцизный инспектор в г. Троицк Оренбургской губернии) и снова привела Танского в стены университета, где после получения диплома врача он приобрел ординаторский клинический стаж при акушерско-гинекологической клинике под руководством профессора В.С. Груздева и получил звание докторанта.

Весной 1904 г. В.М. Танский вернулся в родной город человеком, имеющим два высших образования — по тому времени явление, уникальное не только для Верхнеудинска, где, по данным Всероссийской переписи 1897 г., насчитывалось только 24 чел. с высшим образованием на 8 тыс. жителей, но и для России. Правда, при этом стоит помнить о том, что Первая всероссийская перепись населения проводилась в период январской ярмарки, и население города на эти две недели увеличивалось почти на треть. Реальная численность Верхнеудинска составляла чуть больше 5 тыс. чел., о чем неустанно на протяжении нескольких последующих лет заявляла городская дума в прошениях о снижении налогового бремени для города.

Если даже простое «просвещение всемерно подавлялось, ибо оно являлось опасным для царизма, — народ старались держать в невежестве, что было спокойнее», то что говорить об университетском образовании! Это был поистине штучный товар: «На курсе 11 слушателей, профессоров 12, не считая приват-доцентов, занимавшихся с нами по кабинетам и лабораториям. В дорожную копеечку вскакивал государству каждый образованный человек!» [19, л. 30 об.].

Потомок популярного в конце XVIII в. украинского писателя, род которого породнился с Гоголями, наделенный талантом художественного слова, М.В. Танский оставил большое эпистоляр-

ное наследие, воспользовавшись которым, мы попытаемся воссоздать историю одной из сторон жизни города и героя через призму его профессиональной и общественной деятельности.

К возвращению молодого специалиста история медицинской помощи в Верхнеудинске насчитывала не один десяток лет. Единственная гражданская больница на 77 мест (57 мужских и 20 женских) находилась в ведении Иркутского приказа общественного призрения (ИПОП). По воспоминаниям М.В. Танского, больница до 1860-х гг. располагалась в «Заудинской станице, на мыске при слиянии Вознесенской протоки с Удою, в деревянном здании, неудобном и угрюмом, с коридором посередине и с комнатами по сторонам» [18]. Несмотря на наличие в городе военного врача, гражданская больница обслуживала и лиц военного ведомства. По данным ИПОП, в 1854 г. стационарное лечение получили 345 чел. (из них 223 военных), в 1855 г. — 192 (43 военных), в 1856 г. — 339 (212 военных), т. е. не более 1 чел. в день. По числу же выданных порций картина выглядела иначе: в 1854 г. — 20, в 1855 г. — 14,5, в 1856 г. — 25 чел. Однако в любом случае Приказ поставил вопрос об эффективности использования коечного потенциала и целесообразности сокращения количества мест до 22, «и никак не более 30». Поскольку по новому штатному расписанию, утвержденному 6 декабря 1856 г., врач при Верхнеудинской больнице специально не назначался, предлагалось «так убавить количество кроватей, чтобы больницу мог возглавить старший лекарский ученик». После обследования больницы статским советником г. Соллогубом и членом Иркутской строительной комиссии г. Михайловым (1857) инспектор медицинской части надворный советник Ворожцов высказал мнение о необходимости больницы в Верхнеудинске на 20 кроватей, а вместо упраздненной должности врача добавить двух фельдшеров и надзирателя. Однако вопрос о допустимом количестве кроватей так и не был решен окончательно: в документах ИПОП за 1859 г. все еще значатся 77 кроватей, в 1870 г. — 72, в 1873 г. — 40 кроватей, из них 30 мужских, и лишь к концу XIX в. число кроватей было сокращено до 20 [2].

В 1857 г. содержание Верхнеудинской больницы обошлось Приказу в 2 260 р. 34 коп., а в 1859 г. эта сумма увеличилась почти вдвое — 5 872 р. 72 коп.

Штат врачебного персонала состоял из смотрителя, врача, двух лекарских учеников и оплачивался из средств ИПОП. Так, в 1859 г. смотритель А.И. Неустроев получал жалованье в размере 128 р. 78 коп., врач А.Н. Богословский — 343 р., лекарские ученики А.П. Павлов и Г.К. Воскресенский — по 57 р. 20 коп. К жалованью смотрителя приплачивалось 42 р. 80 коп. на канцелярские расходы, а к жалованью врача — 30 р. на найм квартиры. Лекарские ученики и другой низший

персонал жили в казенных помещениях. Кроме этого, по Лечебному уставу 1851 г., сверх жалования для старших и младших фельдшеров вводилась форменная одежда: «ежегодно однобортный сюртук темно-зеленого сукна с брюками и жилетом, брюки летние фламандского полотна (парусина) и 4 фартука холщевых; на 3 года шинель темно-серого сукна и фуражка общей стоимостью 26 р. 51 коп. каждому»; служителям полагалось жалованье, содержание, нижняя одежда и обувь; палатным и надворным — еще и сюртуки однобортные, жилеты и брюки темно-зеленого сукна, брюки летние фламандского полотна и фуражки солдатского сукна; поварам и хлебникам — 2 комплекта из кителя, брюк и жилета из равендука (льняной холст), 3 колпака из фламандского полотна, куртка и панталоны темно-зеленого сукна стоимостью 19 р. 11 коп. [1].

К концу 1850-х гг. главное здание больницы пришло в полную негодность и требовало реконструкции, на что было выделено более 20 тыс. р. серебром, из которых в разное время на постройку служб, в том числе прачечной и бани, было израсходовано около 7 тыс. р. [2]. Однако это проблемы не решило.

С 1860 г. больница помещалась в доме купцов Труневых, купленном городским управлением. На территории усадьбы по ул. Троицкой располагались прачечная, хлебопекарня и баня, перенесенные из старой больницы. Главное двухэтажное каменное здание больницы, окрашенное в «традиционный желтый цвет», бывшее жилым и отвечавшее требованиям купеческой семьи, было мало приспособлено для нужд врачевания. Несмотря на то, что больница была передана на баланс города, на ее содержание и в 1890-х гг. ИПОП выделял средства (1878 г. — 8 546 р. 48 коп., 1879 г. — 9 408 р. 87 ¼ коп., 1893 г. — 6 060 р. 86 ¼ коп.) [20]. Помимо жителей города, больнице вменялось в обязанность обслуживание заключенных, так как при Верхнеудинском тюремном замке длительное время не было своего врачебного отделения, для чего на 1-м этаже больницы было обустроено две комнаты с обязательными решетками на окнах, которые исчезли только на рубеже веков.

Верхнеудинская городская больница имела совет и контору, решавшие все денежные, лечебные и хозяйственные вопросы. Ежемесячно контора обращалась в совет, а совет — в городскую ратушу за выдачей средств на содержание больницы, в среднем по 500 р., из сумм, назначенных по смете. Движение денег фиксировалось в специальной книге совета [13]. Основных статей расхода было несколько: 1) закупка продуктов; 2) погребение умерших; 3) жалованье персоналу в соответствии со штатным расписанием и 4) дезинфекция (для окуривания палат использовались хлебный уксус,

еловая смолка и вереск). Остановимся на трех первых статьях расходов.

Закупка продуктов. Закупался неизменный набор продуктов: мясо двух сортов, мука ржаная и пшеничная, ячневая крупа, соль, капуста, солод, мед, молоко, масло, кирпичный чай, зелень. Питание пациентов было двухразовым: на завтрак подавался «бульон из ячневых круп», на обед — ординарная (обычная) и лечебные (слабобульонная, кисельно-медовая, кисельная, кисельно-молочная, кашечная) диеты. Специально для цинготных больных покупались лук, черемша и горчица. Из общего продуктового набора выдавался паек служащим и служительницам. Им полагалось по 1 ф. 32,5 зол. (500 г) ржаной муки, 7,5 ф. крупы (550 г), по 0,5 ф. (225 г) мяса в день, а в постные дни, вместо мяса, по 0,5 ф. крупы и по 6 зол. соли (225 и 32 г соответственно) [14]. Кроме того, в качестве лечебных средств использовались водка, красное и розовое вино, коньяк, ягоды брусники, винный уксус, конопляное масло. В начале XX в. состав диет изменился. В отчете врача городской больницы Лозовского появились кисло-молочная и экстраординарная диеты, в состав которых входили крупчатые булки, куриное мясо и рис, использовались портвейн, мадера, яйца, мясо для котлет и жаркого. В среднем на содержание одного больного в день в конце 1870-х гг. тратилось по 63 коп., в середине 1890-х гг. — по 99 $\frac{1}{4}$ коп., а в 1901 г. — 1 р. 46 $\frac{1}{2}$ коп. [3]. Этот рост стоимости пребывания пациента определялся не столько усилением порций, сколько возрастанием цен на продукты и товары. Для примера: в начале 1870-х гг. мясо покупалось в среднем по 2 р. 60 коп. (4 р.), крупа — по 1 р. 49 коп. (2 р.), солод — по 2 р. 70 коп. (4 р.), молоко — по 1 р. 13 коп. за ведро (2 р.) (в скобках указаны цены на начало 1900-х гг., свидетельствующие об увеличении стоимости почти в 2 раза). Провиант приобретался по договору или контракту с торгов. Так, в 1901 г. молоко (20 коп. за штоф — 1,23 л.), капуста (3 коп. за штуку) и яйца покупались у казачки Е. Жаровой, в 1905 г. по контракту мещанин И.Д. Кулаков поставил 300 пудов говядины «ценою, выпрошенной на торгах дешевле на 20 коп. с пуда установленной в Верхнеудинске таксы». Существовали и постоянные поставщики: закупки винно-водочной продукции чаще всего производились в магазине А.К. Кобылкина [6; 10].

Погребение умерших. Это была довольно ощутимая и постоянно растущая статья расходов в больничном бюджете. Если в начале 1870-х гг. на эти цели тратилось по 1 р. 71 $\frac{1}{2}$ коп., то в начале XX в. погребальный набор (новый гроб — 3 р., рубашка — 90 коп., 7 аршин миткаля на крышку — 30 коп., чулки — 12 коп., свеча — 5 коп., крест крашенный — 3 р., выкапывание могилы — 2 р.)

стоил 9 р. 20 коп., а в 1905 г. достиг 16 р. 43 коп. Плата за погребение солдат, умерших в больнице, на 1903 г. была установлена в размере 10 р. 63 коп., в том числе за постановку намогильного креста 2 р. 75 коп. за каждого [8; 9; 12; 15].

Жалование персоналу в соответствии со штатным расписанием. Крупнейшей статьёй расходов было содержание медицинского и обслуживающего персонала, нагрузка на который постоянно возрастала. Так, в 1871 г. общие затраты на содержание персонала составили 1 769 р. 84 коп., в 1873 г. — 1 599 р. 16 коп., в 1901 г. — 3 232 р. 21 коп. и в 1904 г. — 5 874 р. Жалование врача почти за 30 лет увеличилось вдвое, с 490 р. в 1871 до 980 р. в 1904 г., из них 150 р. за найм жилья [3; 4; 11; 16].

В сумму жалования включались пенсионные выплаты. Известно, что в 1901 г. лекарский помощник Г. Францев получал ежемесячную пенсию от Верхнеудинского городского управления в размере 25 р. серебром [7].

В Верхнеудинске во второй четверти XIX в. было два врача — уездный (судебно-полицейский) доктор Прокопенко и военный врач Порфирий Дмитриевич Сысоев (в городе стояла багарея), который несколько лет заведовал городской больницей. «Про Сысоева говорили, что двери его квартиры для больных не закрывались даже на ночь. Уездным врачом служил д-р Прокопенко, дородный мужчина, одевавшийся по тому времени оригинально для интеллигента, предвосхитивший как бы одежду Льва Толстого — носил поддевку, рубашку, подпоясанную кушаком, и шаровары, заправленные в сапоги», но практически всегда находившийся в разъездах, чаще всего по собственным делам [18, л. 1 об.]. Медицинский персонал города в это время дополнялся повивальной бабкой — это была казенная должность, «долгие годы место это занимала Марио-де-Пуш, пользовавшаяся симпатиями населения» — и городским фельдшером Григорием Дмитриевичем Францевым «(из кантонистов), к которому обращались, пожалуй, чаще, чем к врачам». «Видная роль во врачевании принадлежала и цирюльнику Рефовичу, специалисту по кровососным банкам, которыми тогда охотно и широко пользовались. Он же держал пивяок» [18, л. 1 об.]. «Скромная в размерах» медикаментозная помощь оказывалась аптекой, располагавшейся «в маленьком домике ... в нижнем, слегка подвальном этаже, в небольшой комнате», которая сгорела в 1878 г. во время большого пожара. Аптекой заведовал провизор С.Я. Жабин, продававший «всякие порошки и пилюли ... в нарядных баночках, иногда с картинками, которыми в детские годы скрашивались и самые болезни. Пилюли отпускались часто для красоты позолоченными. Отсюда, очевидно, пошло выражение "позолотить пилюлю"» [17, л. 16].

Отдавая дань уважения своим предшественникам, М.В. Танский перечисляет имена заведующих городской больницей после П.Д. Сыроева — Иван Иванович Казанский, «прослуживший в ней лет 18–20 и умерший на своем посту еще в расцвете сил. Затем, не задерживаясь на службе подолгу, прошел целый ряд врачей — Троицкий, Пекур, Лазовский, Исая Ааронович Шикман» [18, л. 2 об.].

Больница не отличалась достаточным материальным обеспечением, что заставило Танского изумляться и удивляться: «Как-то на вакации (1899–1900 гг. — Т.П.) меня, молодого ординатора ... пригласили сделать гинекологическую операцию (на почве травмы)... пришлось оперировать в удивительных условиях — в комнате, где стоял стол, покрытый зеленою, залитою чернилами скатертью, на котором красовалось “зеркало” — прежний символ власти, так как здесь происходили два раза в неделю заседания воинского присутствия. Инструментарий был настолько скуден, что не оказалось даже иглодержателя. Операций, а в особенности сколько-нибудь серьезных, в больнице, видимо, не делали, предоставляя хирургические случаи естественному течению». Резюме ординатора, работавшего в прекрасной клинической обстановке, звучит как приговор: «Вообще, от больницы веяло еще духом больниц приказа общественного призрения» [18, л. 2 об.].

В медицинском отношении больница подчинялась врачебному инспектору, проживавшему в Чите, а в хозяйственном — городской управе. В начале XX в. учреждение имело 25 кроватей, его персонал существенно расширился: врач, заведующий больницей, фельдшер, медсестра, два санитаря, сиделка, смотритель больницы, кухарка, прачка, дворник-конюх, которые, за исключением врача, жили при больнице. Усовершенствовалась структура, выделено два отделения — мужское и женское, правда, без учета заболеваний. Отделялись от общей массы пациентов только «заразные» больные, но и здесь как таковой специализации не было: в особом бараке могли изолировать до пяти человек с двумя инфекциями.

Вообще, для М.В. Танского, возглавившего больницу в 1905 г., «обслуживание заразных больных ... было самое больное место ... из-за неимения как надлежащего помещения, так и персонала». Хорошо поставленная инфекционная служба была просто необходима, поскольку инфекции имели тенденцию к перерастанию в эпидемии, особенно в результате увеличения учебных заведений, что было естественным результатом роста людности города — железнодорожного центра. К 1915 г. численный состав горожан увеличился почти в два-три раза по отношению к 1897 г. и составлял, по разным оценкам, 10–15 тыс. чел. Эпидемии кори, как и скарлатины, появлялись с периодичностью в

3–4 года, но «больше всего имел распространение брюшной тиф, возникавший почти ежегодно осенью». В связи с русско-японской войной в армии достиг эпидемического порога сыпной тиф, встречавшийся в мирное время в единичных случаях.

Еще трагичнее обстояло дело с «психическими больными, особенно буйными», специализированное лечение которых проводилось только в иркутской или томской клиниках, поэтому до госпитализации они содержались при полицейском управлении, «в каталажке», под присмотром врача. Эти две первостепенные задачи Танскому удалось решить в течение нескольких лет (изолированная комната в больнице, где «психические больные оказались на попечении медицинского персонала» [19, л. 5] и строительство заразного барака за пределами центральной части города — на Батарейной горе, которая позднее в народе получила название «вшивая горка»), но главная проблема — новое помещение для больницы — оставалась нерешенной.

Будучи гласным, Михаил Владимирович пытался лоббировать больничные вопросы. Так, на очередном заседании городской думы 21 мая 1907 г., доказывая необходимость строительства, он говорил: «Больница ... сейчас находится в центре города, около учебных заведений, между тем она, будучи перенесена на гору, займет отдельный квартал (2 400 кв. саж.) и может быть устроена согласно современным требованиям» [5]. По расчетам городской управы, на такой проект потребовалось бы затратить не менее 40 тыс. р., на что дума не могла согласиться [5]. С горечью замечая, что каждую «копейку на улучшение больничного дела приходилось вырывать у прижимистой думы с большим трудом», городскому врачу не осталось ничего другого, как «устраиваться получше и посовременнее в существовавшем положении».

При «большой настойчивости» в больнице «были созданы условия для правильной хирургической работы» (большая и малая операционные, стерилизационная), установили клозет с выносной системой, построили баню и кухню, которую соединили с главным зданием теплым коридором, благоустроили территорию (устроили деревянный тротуар, высадили тополя вдоль усадьбы). Таким образом, в середине первого десятилетия XX в. городская больница приобрела современный вид, число мест увеличилось до 60, 20 из которых приходилось на инфекционных больных. В соответствии с изменением числа пациентов вырос и штат медперсонала: «прибавилось санитаров и сиделок, появились акушерка-фельдшерница и второй общественный врач». С появлением второго общественного врача более активно развивалось амбулаторное лечение. Если первый врач бесплатно обслуживал бедных пациентов на дому,

причем имел право выписывать им бесплатные лекарства за счет города, то второй, как правило, принимал участие в больших операциях как ассистент или анестезист («хлороформатор»). В бытность М.В. Танского на этой должности состояли, сменяя друг друга, три врача — военный врач Черных (по совместительству), врачи Первалов и Гальперов. Безусловно, высококвалифицированный специалист, возглавивший медицинское учреждение, преобразил его, но в этой деятельности усматривается еще один аспект, связанный с повышением доверия населения к системе медицинского обслуживания: «В первые годы моей больничной работы амбулатория не превышала 30 посещений в день (вместе с повторными перевязочными), но постепенно она достигла 60–70 чел. в день, хотя потом одновременно принимала больных и амбулатория лазарета Красного Креста» [19, л. 6, 6 об.].

Конечно, осветить все проблемы развития «муниципального» медицинского обслуживания в небольшой статье невозможно, мы остановились на характеристике городской больницы, потому что несколько лет своей деятельности М.В. Танский посвятил ей. При этом она не была единственным лечебным учреждением в Верхнеудинске. Поле медицинских услуг начало стремительно расширяться после проведения через город Транссиба: в начале XX в. была устроена железнодорожная больница (станция Верхнеудинск), в 1904–1905 гг. в «город прибыли и открыли свою работу три лазарета Красного Креста — Одесский, Пермский и Болгарский, каждый со штатом не менее 3–5 врачей», на Нижней Березовке устроили военный лазарет, «появились военные врачи. Из них некоторые проживали в городе и занимались врачебной практикой», в 1909 г. был открыт лазарет Красного Креста с общиной сестер милосердия при нем, а также работали три аптеки — гораптека под управлением провизора Мациевского, общества Красного Креста и провизора Погоржельского, а также аптекарский магазин Кокошко.

Важнейшим свидетельством поступательного развития медицинского обслуживания может счи-

таться факт появления в Верхнеудинске зубо-врачебных кабинетов: в 1903 г. — зубного врача и протезиста Столпнера, через три года — зубного врача Мильштейна. Значимость этого явления в том, что в городской медицинской практике начался процесс специализации — терапевты, окулисты, инфекционисты, педиатры.

Таким образом, воспоминания непосредственного участника, свидетеля жизнедеятельности отдаленного провинциального города Верхнеудинска вкупе с архивными материалами помогли реконструировать эволюцию медицинского вспомоществования на рубеже веков, а также получить косвенные свидетельства о процессе формирования интеллигенции в городе. Приведенные данные позволяют утверждать, что медицинское дело на окраине Российской империи развивалось неуклонно и динамично, что выразилось в ряде взаимодополняющих аспектов — социально-профессиональном, материальном, психологическом — и постепенном расширении поля медицинских учреждений и услуг.

Скачок в организации медицинской помощи оказался возможен в начале XX в. и был определен, с одной стороны, появлением в городе медиков с высоким уровнем квалификации, с опытом работы в современных клиниках страны, что способствовало модернизации стационарной работы, и с другой стороны, проведением железнодорожной магистрали, которая содействовала увеличению людности города, а следовательно, росту населения, нуждающегося в медицинской помощи. Рост материально-технического уровня городского медучреждения, возможности оказания необходимого лечения, числа и квалификации среднего медперсонала меняли отношение населения к муниципальной медицине, внушая доверие к ней. Расширение сферы медицинских услуг путем увеличения количества ведомственных и частных медицинских учреждений сопровождалось переходом от универсальной к профессиональной специализированной помощи населению, ростом числа врачей и, как следствие, способствовало расширению возможностей медицинского вспомоществования в Верхнеудинске и его уезде.

Литература

1. Список с постановления Иркутского приказа общественного призрения от 23.02. 1859 г. // ГАЗК (Гос. арх. Забайкальского края). Ф.1. Оп. 1 (о). Д. 341. Л. 65–85 об.
2. Об исправлении Верхнеудинской гражданской больницы // ГАЗК. Ф. 1. Оп. 1 (о). Д. 343. Л. 14–32.
3. Отчет о произведенных больничных порциях в Верхнеудинской городской больнице за 1901 г. // ГАРБ (Гос. архив Республики Бурятия). Ф. 10. Оп. 1. Д. 1481. Л. 73.
4. Сметное исчисление по содержанию Верхнеудинской городской больницы на 1901 г. // ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1481. Л. 1–7.
5. Протокол заседания Верхнеудинской городской думы от 21.05.1907 г. // ГАРБ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 526. Л. 62, 62 об.
6. Рапорт конторы Верхнеудинской больницы городской управе от 20.11.1901 г. // ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1556. Л. 43–48.
7. Ведомость по получению зарплаты служащим Верхнеудинской больницы за 1901 г. // ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1556. Л. 170.

8. Забайкальские областные ведомости. 1903. № 14 (6 февр.) // ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1718. Л. 13.
9. Справочная ведомость о ценах на предметы, необходимые для погребения на 1903 г. // ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1718. Л. 30.
10. Контракт на поставку говядины в Верхнеудинскую городскую больницу // ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1921. Л. 26.
11. Сметное исчисление по содержанию Верхнеудинской городской больницы на 1905 г. // ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1921. Л. 1 об.
12. Справочная ведомость о ценах на предметы, необходимые для погребения на 1905 г. // ГАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1921. Л. 58.
13. Об отпуске денежных сумм из городских доходов на содержание Верхнеудинской гражданской больницы // ГАРБ. Ф. 128. Оп. 1. Д. 1338. Л. 18-42.
14. Рапорт конторы Верхнеудинской больницы городской управе от 21.04.1870 г. // ГАРБ. Ф. 338. Оп. 1. Д. 24. Л. 2.
15. Сметное исчисление по содержанию Верхнеудинской гражданской больницы на 1873 г. // ГАРБ. Ф. 338. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-26.
16. Книга расхода по содержанию Верхнеудинской гражданской больницы на 1871 г. // ГАРБ. Ф. 338. Оп. 1. Д. 44. Л. 8-20.
17. Танский М.В. Верхнеудинск 70-80-х гг. XIX века: [воспоминания] // ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 6.
18. Танский М.В. Лечебная помощь населению в старом Верхнеудинске: [очерк] // ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 10.
19. Танский М.В. Воспоминания (Автобиографический очерк) // ГАРБ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 33.
20. Мантурова С.Ч. Государственное призрение и благотворительность в социальной и культурной жизни Забайкалья во второй половине XIX – начале XX вв. Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2005. С. 104.